

Д.А. ГОЛОВАНОВА
(Москва)

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассмотрен вопрос интердискурсивности дипломатического дискурса. Слово сочетание «институциональность дискурса» выступает как ключевое, что подразумевает существование различных типов дискурса, которые появляются в разных институтах. Приведены примеры взаимодействия дипломатического дискурса с другими (политическим, дискурсом массмедиа, юридическим и военным дискурсами), показано, как они пересекаются.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, дискурс массмедиа, юридический дискурс, военный дискурс, интердискурсивность, институциональность.

С развитием теории дискурса в лингвистике ученых стали интересовать вопросы о границах того или иного типа дискурса. Где заканчивается один дискурс и начинается другой? Можно ли провести четкие границы между разными типами дискурса? И если это возможно, то по какому принципу?

Исследователи отмечают, что в зависимости от типа дискурса (институциональности) его границы могут быть жестко регламентированными либо, наоборот, прозрачными. В первом случае, как отмечает В.И. Карасик, наложения дискурсов друг на друга не происходит (например, религиозный дискурс считается наиболее закрытым). Однако достаточно часто, по словам Е.И. Шейгал, границы дискурса нечеткие и даже «прозрачные», что способствует «наложению характеристик разных видов дискурса в одном тексте», например, когда между мужем и женой возникает спор (бытовой дискурс), и они пытаются его урегулировать, прибегая к средствам языка, типичным для дипломатического дискурса [12, с. 24]. Таким образом, исследователи допускают, что в некоторых случаях может происходить взаимопроникновение дискурсов, что приводит к затруднению в определении их границ. Цель настоящей статьи – освещение того, как дипломатический дискурс пересекается с другими типами дискурса.

Поскольку анализ дипломатического дискурса проводится с учетом как устных, так и письменных текстов, отметим сразу: текст рассматривается как единица дискурса, его резуль-

тат (устный и письменный), который можно увидеть, прочитать, ощутить, т.е. «реальность, данную в непосредственное ощущение» [2, с. 24]. Такое понимание соотношения терминов *дискурс* и *текст* предполагает рассмотрение не только интердискурсивности, но и интертекстуальности, без которой первая будет лишена смысла, потому что именно интертекстуальность дает основу интердискурсивности.

Своим появлением в 1967 г. термин *интертекстуальность* обязан Ю. Кристевой и остается в поле внимания ученых и по сей день. Таким образом, данный феномен является одним из центральных в лингвистических исследованиях более 40 лет. Вопросами интертекстуальности занимались и занимаются многие ученые, в числе которых М.М. Бахтин, Б.М. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Г.В. Денисова, В.Е. Чернявская, а также R. Bart, Ch. Grivel, M. Riffaterre и др. К настоящему моменту сложилось определение интертекстуальности, которое можно назвать традиционным: это процесс соотнесения одного текста с другими текстовыми системами, а также их взаимодействие в плане содержания и выражения. Такое понимание интертекстуальности предполагает наличие следующих характеристик открытости текста:

- содержательно-смысловой незамкнутости текста по отношению к другим текстам данного типа;
- коммуникативно-прагматической и психологической открытости текста сознанию читателя;
- идейной и тематической открытости текстов одного автора между собой;
- внутреннего развития текста;
- открытости различных типов текстов одного класса друг другу;
- функционально-стилистической соотнесенности текстов одного класса (В.Е. Чернявская).

Перечисленные характеристики, а также понимание самой интертекстуальности как таковой получают новый ракурс осмысления в связи с изучением нового феномена – дискурса, т.е. текст теперь рассматривается как единица дискурса, что и определяет его новый признак – *дискурсивность*. Почему же возможна дискурсивность? Ответ на этот вопрос дает когнитивная лингвистика, объектом которой является *язык как механизм* познания. Один и тот же человек способен обладать множеством разнообразных способов создания дискурсов. Как считает М. Фуко, одна личность

может участвовать в различных дискурсах: «...наш разум – это различие дискурсов, наша история – различие времен, наш язык – различие масок» [11, с. 131]. Так, человек, играя множество ролей в обществе, имеет возможность «примерить маски» – сына, брата, космонавта, дипломата и др. Однако как отличаются друг от друга «маски», так и различны дискурсы, которые их «олицетворяют». О неразрывной связи языка со знанием человека о мире и обществе также пишут в своих работах Р. Богранд (1997) и Дж. Коатс (1998): «... то, что мы обычно называем языком, гораздо более реалистично представить как разнородное множество дискурсов» [14, с. 301].

Исследуя взаимодействие дискурсов, ряд авторов (П. Гудрич, П. Серию, Р. Сколлон) прибегают к понятиям «интрадискурс» и «интердискурс», определяя первое как внутридискурсивные параметры и механизмы построения дискурса («что я говорю сейчас, как это соотносится с тем, что я сказал ранее, и с тем, что скажу позднее» [16, с. 147]), т.е. как функционирование дискурса самого в себе. *Интердискурс* понимается как «дискурсивное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсивные формации и их отношениями господства, подчинения и противоречия» [9, с. 45]. Другими словами, речь идет о связи, взаимодействии и взаимовлиянии разных дискурсов.

Анализ дипломатического материала показывает, что дипломатический дискурс обладает характеристикой интердискурсивности, под которой предлагается понимать *возможность расширения границ одного дискурса и, таким образом, его проникновения в другой, что выражается в манифестации его основных характеристик и признаков в нетипичной для данного дискурса ситуации* (т.е. такой ситуации, которая по своим признакам характерна для другого дискурса). Так, в наибольшей степени дипломатический дискурс пересекается с политическим (поскольку дипломаты по большей части являются политиками, что отражается на том, как и что они говорят) и дискурсом масс-медиа (выступления дипломатов, интервью широко освещаются в СМИ).

Переходя непосредственно к анализу интердискурсивности дипломатического дискурса, отметим, что данный тип дискурса можно понимать узко (только профессиональный дипломатический дискурс) и широко (включая непрофессиональный, или персональный, дипломатический дискурс, т.е. бытовые и другие конфликтные ситуации, в которых человек проявляет дипломатичность и способен найти компромисс, устраивающий всех участников обще-

ния). В настоящей статье будут проанализированы только письменные документы и устный вариант дипломатического дискурса.

Важно подчеркнуть, что взаимодействие дискурсов может протекать по-разному. Согласно исследованиям М.А. Хэллидея, выделяется интердискурсивность нескольких видов: по участникам (роли, которые они выполняют, и особенности их взаимодействия), по форме (характер и специфика использования языковых средств) и по полю (близость дискурсов по роду социального взаимодействия) дискурса [17, с. 5]. Взаимодействие дипломатического дискурса с другими типами дискурсов будет рассматриваться в рамках указанных параметров. Анализ показал, что, кроме пересечения дипломатического дискурса с политическим и дискурсом масс-медиа (как было указано выше), наблюдается также его пересечение с юридическим и военным дискурсами.

Взаимодействие с политическим дискурсом. Дипломатический дискурс определяется понятием дипломатии, которому можно посвятить целую книгу, – настолько богата история соответствующими примерами и изречениями. Однако приведем наиболее общее определение из дипломатического словаря: «Дипломатия – принципиальная деятельность *глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений* по осуществлению целей и задач *внешней политики* государства, а также по защите прав и интересов государства за границей» [4, с. 479]. Это определение универсально (и схоже с теми, которые предлагают другие словари). Становится очевидно, что большое значение в понимании дипломатии отводится политике государства, которая осуществляется как президентами (и другими руководителями на высшем уровне), так и профессиональными дипломатами. Таким образом, несомненным является пересечение дипломатического дискурса с политическим: агентами дипломатического дискурса могут быть главы государства, выступающие также и на политической арене. Два вида дискурса совпадают не только в параметре «участники», но и по форме дискурсов: сильным сближающим фактором дипломатического и политического дискурсов является то, что основные политические и дипломатические действия – речевые, причем язык этих речевых действий направлен преимущественно на оказание воздействия на ход событий, т.е. язык влияет на отношения между государствами, позволяет создать видение этих отношений – как участниками дискуссии, профессионалами, так и в общественном сознании. Данное пересечение дискурсов, безусловно, влияет на специфи-

ку языковых средств: поскольку речь политика стремится к завуалированию истинного положения дел, это неминуемо отражается и в речи дипломата. Например, как в политическом, так и в дипломатическом дискурсах широкое распространение имеют средства создания преднамеренной неопределенности и политической корректности, что обусловлено прежде всего стремлением к избеганию конфликтных ситуаций. Д. Кристал отмечает, что одной из задач политиков является ведение такой тактики, которая не даст повода обвинить их во лжи, необоснованности высказываний, что побуждает их прибегать к использованию так называемого двусмысленного языка «полулжи – полуправды» [15, с. 378]. То же касается и речи дипломатов, в задачу которых входит стремление избежать конфликта, «спасти лицо», ответить таким образом, чтобы избежать «лишних», провокационных вопросов. Например, в своем интервью на конкретный вопрос о том, что обсуждалось на переговорах касательно антиамериканских и антироссийских стереотипов, американский посол в России Майкл Макфол ответил общими фразами: *Well, I would say it's just the beginning of what needs to be a much longer discussion and one we both agreed needs to be based on more analysis <...> We need to look at this much more closely* [18]. В ответе дипломат избегает конкретности, говоря о том, что *должно быть сделано* и как, вместо того чтобы рассказать о том, что *уже сделано*. Затем дипломат вовсе отдалается от темы, переводя ее из пространства дипломатии в рамки социологии: *And to be frank, I think it's more of an issue that we want to have real social scientists tackle in perhaps a joint commission. You know, we really wrestle with the public opinion poll data, and cause and effect. As a former social scientist – I'm a professor at Stanford – to me this is a question that begs for analytic analysis and not necessarily talking points from one government to the other* [Там же]. Таким образом, Майкл Макфол проявляет себя как истинный политик, избегая прямого ответа на вопрос, что обсуждалось по данной теме, используя тактику уклонения, которая позволила ему не затрагивать острые проблемы, существующие между государствами, что могло бы способствовать новым волнам недовольства среди населения.

Взаимодействие с дискурсом массмедиа. Во-первых, связь с дискурсом массмедиа прослеживается по параметру «участники», потому что этот тип дискурса создается представителями не только СМИ (журналистами, корреспондентами и пр.), но и других сообществ, в нашем случае – представителем дипломатическо-

го корпуса. Во-вторых, указанные дискурсы пересекаются по полю, а именно – по общности темы (обсуждение взаимоотношений государств на высшем уровне). С одной стороны, в современном обществе вопросы взаимоотношений государств все больше привлекают публику, с другой – современная дипломатия стремится к открытости и освещению внешнеполитических вопросов широким массам, в результате чего появился термин *публичная дипломатия* (public diplomacy). Данная тенденция позволяет влиять на общественное сознание, формируя мнение по тому или иному вопросу взаимодействия государств, поэтому различные дипломатические события активно освещаются в медиаресурсах: на телевидении, по радио, в газетах, Интернете. Особую популярность приобретает последний ресурс: документы, являющиеся результатом переговоров, как-то: резолюции, договоры и пр. – можно найти на соответствующих сайтах в открытом доступе. Все большую популярность также приобретают социальные сети как средство общения с народом. Так, М. Макфол активно пользуется блогом Twitter, в котором делится своими мыслями и мнением по разным политическим и другим вопросам. Любой пользователь может при желании задать ему вопрос. Таким образом, массмедиа является средством, позволяющим информировать широкую публику о внешнеполитических вопросах государства, и, следовательно, дискурс масс медиа пересекается с дипломатическим дискурсом *по полю*, т.к. общим звеном является тема.

Взаимодействие дипломатического дискурса с юридическим. Целью последнего является регулирование правовых отношений между сторонами [20]. К требованиям юридического дискурса относится точность номинации. Один из основных элементов дипломатии – составление различных документов, которые по всем канонам юридического дискурса должны избегать двусмысленности и быть максимально точными. С этой точки зрения происходит не взаимодействие дипломатического и юридического дискурсов, а скорее их «столкновение» (clash): при одинаковости форм дискурсов векторы их отличаются, т.к. для дипломатических документов характерны двусмысленные высказывания. Двусмысленность может быть выражена как с помощью грамматических средств, так и неоднозначной постановкой высказывания, что, следовательно, обуславливает общность формы дипломатического и юридического дискурсов. К первому случаю (двусмысленность грамматических средств) можно отнести резолюцию 1967 г., которая появилась по-

сле Шестидневной войны 1967 г. Одно из ее положений вызвало большой резонанс в связи с различным толкованием текста: *establishment of just and lasting peace in the Middle East should include the application of both the following principles: – Withdrawal of Israeli armed forces from territories, occupied in recent conflict; – Termination of all claims or states of belligerency and respect for and acknowledgement of the sovereignty, territorial integrity and political independence of every state in the area and their right to live in peace within secure and recognized boundaries free from threats or acts of force* [8]. Определенный артикль отсутствует не случайно. Такое опущение артикля позволяет дипломату создать преднамеренную двусмысленность, поскольку предложение может трактоваться по-разному: 1) Израиль должен покинуть *все территории*, которые были оккупированы в последнем конфликте; 2) Израиль должен покинуть лишь *некоторые территории*, но не все. Каждая участвующая сторона стремилась трактовать данное положение с наибольшей для себя выгодой.

Случаи написания резолюций, положения которых вызывают ряд разногласий по причине смысловой двусмысленности, возникают достаточно часто, что приводит к отложению подписания документов и дальнейшим переговорам, которые могут растягиваться на длительное время. Примером этому служит Резолюция 1973 г. (2011), принятая Советом Безопасности 17 марта 2011 г. Данная резолюция была составлена с «целью защиты мирного населения», однако некоторые ее положения позволили санкционировать военное вмешательство иностранных государств в гражданскую войну Ливии и предоставить оружие повстанцам, что вряд ли можно отнести к мирной цели. Одним из пунктов было введение запрета полета над Ливией (...*Decides to establish a ban on all flights in the airspace of the Libyan Arab Jamahiriya in order to help protect civilians*), но в пункте ниже следует оговорка: *Decides further that the ban imposed by paragraph 6 shall not apply to flights whose sole purpose is humanitarian, such as delivering or facilitating the delivery of assistance, including medical supplies, food, humanitarian workers and related assistance, or evacuating foreign nationals from the Libyan Arab Jamahiriya, nor shall it apply to flights authorised by paragraphs 4 or 8, nor other flights which are deemed necessary by States acting under the authorisation conferred in paragraph 8 to be for the benefit of the Libyan people, and that these flights shall be coordinated with any mechanism established under paragraph*

[19]. С одной стороны, создается видимость точности и недвусмысленности (неоднократное повторение номеров параграфов), с другой – формулировка положения «другие полеты, которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа государствами» вызвала множество противоречий и споров и была названа «двусмысленной», поскольку словосочетание *other flights* может подразумевать под собой совершенно разные значения, т.к. далее следует *which are deemed necessary*. То, какие полеты могут рассматриваться «необходимыми», не оговаривается, следовательно, государства могут трактовать данное положение с выгодой для себя и использовать в своих целях.

Взаимодействие дипломатического дискурса с военным. Приведенная выше резолюция представляет собой пример пересечения дипломатического дискурса с *военным*, поскольку резолюции (наряду с военно-политическими соглашениями, мирными переговорами) обеспечивают ход военных действий [12, с. 32], таким образом, взаимопроникновение дискурсов осуществляется по полю, как и в случае с дискурсом массмедиа.

В данной статье были рассмотрены понятия интертекстуальности и интердискурсивности, которая понимается как проникновение одного дискурса в другой таким образом, что параметры одного дискурса проявляются в ситуации, характерной для другого дискурса.

В результате анализа устных и письменных текстов было выявлено, что наиболее явно и часто происходит проникновение дипломатического дискурса в политический по форме (использование тактики уклонения при ответе на конкретный вопрос) и параметру «участники», дискурс массмедиа – по полю (общность темы – межгосударственные отношения), юридический – по форме (проникновение языковых и речевых особенностей в юридические документы – двусмысленность и неточность) и военный дискурс, с которым общие точки соприкосновения обнаруживают себя в параметре «поле».

Литература

1. Бабенко В.Н. Язык и стиль дипломатических документов. М. : МГИМО, 1979.
2. Беляевская Е.Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №1(022). С. 22–29.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград : Перемена, 1997.
4. Дипломатический словарь. 2-е изд. М., 1971. Т. 1.

5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000.
 6. Карасик В.И. Языковой круг, личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
 7. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
 8. Резолюции Совета Безопасности ООН 1967 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967.shtml>.
 9. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 12–53.
 10. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (022). С. 47–56.
 11. Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-центр, 1996.
 12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена, 2000.
 13. Beaugrande R. de The Story of Discourse Analysis // Teun A. van Dijk (ed.). Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: a Multidis-ciplinary Introduction. L. : Sage Publications, 1997. Vol. I. P. 35–62.
 14. Coats J. "Thank God I'm a Woman": The Construction of Differing Feminities // The Feminist Critique of Language. A Reader. L. – N.Y. : Routledge, 1998. P. 295–320.
 15. Crystal D. Political English // The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. P. 378.
 16. Goodrich P. Legal Discourse. Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L. : The Macmillan Press LTD, 1987.
 17. Halliday M.A.K. Language and Social Man (Part 1) // Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Ed. Michael Toolan. Vol. I: Precursors and Inspirations. L. – N. Y. : Routledge, 2002. P. 149–179.
 18. Intervien : McFaul on U.S., Russian Stereotypes And His Controversial Co-Chair [Electronic resource]. URL : <http://eurodialogue.eu/Interview-McFaul-On-US-Russian-Stereotypes-And-His-Controversial-Co-Chair>.
 19. Resolution 1973 (2011) [Electronic resource] // Security Council. 2011. 17 March. URL : http://www.globalr2p.org/media/files/resolution_1273.pdf.
 20. Shuy R.W. Discourse Analysis in the Legal Context // The Handbook of Discourse Analysis / ed. D. Schiffrin, D. Tannen and H. Hamilton. Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 2001. P. 437–453.
- * * *
1. Babenko V.N. Yazyk i stil diplomaticheskikh dokumentov. M. : MGIMO, 1979.
 2. Belyaevskaya E.G. Kognitivnyie parametryi stilya // Voprosyi kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1(022). S. 22–29.
 3. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika. Volgograd : Peremena, 1997.
 4. Diplomatichekii slovar. 2-e izd. M., 1971. T. 1.
 5. Karasik V.I. O tipah diskursa // Yazykovaya lichnost: insti-tutsionalnyiy i personalnyiy diskurs : sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000.
 6. Karasik V.I. Yazykovoy krug, lichnost, kontseptyi, diskurs. M. : Gnozis, 2004.
 7. Mihaylova E.V. Intertekstualnost v nauchnom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1999.
 8. Rezolyutsii Soveta Bezopasnosti OON 1967 g. [Elektronnyiy resurs]. URL : <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1967.shtml>.
 9. Serio P. Kak chitayut tekstyi vo Frantsii // Kvadratura smyisla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa. M. : Progress, 1999. S. 12–53.
 10. Terentiy L.M. Diplomatichekii diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii // Voprosyi kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 1 (022). S. 47–56.
 11. Fuko M. Arheologiya znaniya. Kiev : Nikatsentr, 1996.
 12. Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M. ; Volgograd : Peremena, 2000.
 13. Beaugrande R. de The Story of Discourse Analysis // Teun A. van Dijk (ed.). Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: a Multidis-ciplinary Introduction. L. : Sage Publications, 1997. Vol. I. P. 35–62.
 14. Coats J. "Thank God I'm a Woman": The Construction of Differing Feminities // The Feminist Critique of Language. A Reader. L. – N.Y. : Routledge, 1998. P. 295–320.
 15. Crystal D. Political English // The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. P. 378.
 16. Goodrich P. Legal Discourse. Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L. : The Macmillan Press LTD, 1987.
 17. Halliday M.A.K. Language and Social Man (Part 1) // Critical Discourse Analysis. Critical Concepts in Linguistics. Ed. Michael Toolan. Vol. I: Precursors and Inspirations. L. – N. Y. : Routledge, 2002. P. 149–179.
 18. Intervien : McFaul on U.S., Russian Stereotypes And His Controversial Co-Chair [Electronic resource]. URL : <http://eurodialogue.eu/Interview-McFaul-On-US-Russian-Stereotypes-And-His-Controversial-Co-Chair>.
 19. Resolution 1973 (2011) [Electronic resource] // Security Council. 2011. 17 March. URL : http://www.globalr2p.org/media/files/resolution_1273.pdf.
 20. Shuy R.W. Discourse Analysis in the Legal Context // The Handbook of Discourse Analysis / ed. D. Schiffrin, D. Tannen and H. Hamilton. Oxford : Blackwell Publishers Ltd., 2001. P. 437–453.

Interdiscursiveness of the diplomatic discourse

There is considered the issue of interdiscursiveness of the diplomatic discourse. The expression "institutional character of the discourse" is represented as the key one, which means that there are various types of discourse that appear in different institutions. There are given the examples of interaction of the diplomatic discourse with others (political, mass media discourse, juridical and military discourses), shown the way they cross.

Key words: *diplomatic discourse, mass media discourse, juridical discourse, military discourse, interdiscursiveness, institutional character.*

(Статья поступила в редакцию 8.07.2014)

А.В. БОГАТЫРЕВ
(Волгоград)

ЦИТАТА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты исследования функций цитаты в рамках юридического дискурса. Рассматриваются функциональные возможности цитирования через интертекстуальную связь с текстом-донором. Выявляются комбинации цитаты и экспрессивно-стилистических средств языка; цитаты и средств убеждения. Определены функции и значение этих комбинаций в текстах юридического дискурса.

Ключевые слова: *цитата, юридический дискурс, фигуры интертекста, комбинации, функции.*

Развитие демократических институтов государства способствует тому, что в рамках современной лингвистики растет интерес к проблемам риторики, а юридическая практика все более глубоко проникает в социальную сферу. В настоящее время идет формирование «другого» вида риторики – юридической [10, с. 56], которая приходит на смену традиционной судебной. При этом судебная риторика становится составной частью юридической, ведь «судебные речи не ограничиваются только прениями сторон. Сам судебный про-

цесс – это лишь видимая часть айсберга, т. е. следствия, которое иногда длится годами» [Там же, с. 57]. В ведение юридической риторики, таким образом, включаются также, помимо судебных речей, речь-консультация адвоката, допрос как специфическая форма диалога и др. [Там же]. Немаловажной является работа в изучении всех составляющих данного новообразования, в частности исследование в рамках юридического дискурса такого явления, как интертекстуальность. Примечательно, что в научном сообществе нельзя увидеть единой точки зрения ни на дискурс, ни на интертекстуальность. Ученые сходятся в том, что «интертекстуальность – понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчатости его содержания» [20, с. 109]. Одна из причин такой неопределенности состоит в следующем: приемы использования чужой речи (фигуры интертекста), в частности цитата, до сегодняшнего дня не изучены в достаточной мере и даже не получили исчерпывающих дефиниций. К примеру, использование выражения «цитирование без ссылки» можно понять как аппликацию, аллюзию или травестиование [11, с. 5].

В данной статье мы рассмотрим функционирование цитаты в рамках юридического дискурса. Цитата в узком понимании – фигура интертекста, представляющая собой «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Там же, с. 78]. В оппозиции к этому подходу находится широкое понимание цитаты как дословного воспроизведения фрагмента текста-донора.

1. Вне зависимости от наличия ссылки на источник. В частности, Н.А. Фатеева выделяет цитату с атрибуцией и цитату без атрибуции [17, с. 122–128]. На наш взгляд, с таким широким подходом можно согласиться, однако использование термина *цитата с атрибуцией / без атрибуции* и значение слова *цитата* в повседневной речи (дословная выдержка из текста) могут привести к неоднозначному восприятию: вероятно подмена научного термина бытовым, и наоборот. Назвать цитату дословным воспроизведением текста-донора без ссылки на источник нельзя и потому, что данный прием в этом случае будет рассчитан на знание и актуализацию текста-донора в памяти адресата. Таким образом, реализация интертекстуальных связей будет иметь иную